

черты Соломонова храма. Интересно, что и позднее, при описании в летописи Суздальского собора, к его устроенным в 1233 г. майоликовым полам также применен термин Амартола «моромор красный разноличный». ⁷ Хроника Г. Амартола была хорошо известна во Владимиро-Суздальской Руси, где в первой половине XIII в. был составлен обширный хронограф («Еллинский летописец II редакции»). «У его редактора было много разнообразных источников... и среди них в обширном размере хроника Г. Амартола», которая «привлекала к себе внимание и, несмотря на большой объем, переписывалась и читалась». ⁸

Приведенные параллели Амартолу из Повести об убиении Андрея Боголюбского и летописи могли бы быть объяснены только простым использованием авторами XII—XIII вв. в целях прославления князей-строителей литературного материала хроники Амартола, если бы археологические исследования не показали, что в постройках Владимира и Боголюбова действительно необычайно широко применялся своеобразный прием оковки золоченой медью порталов и барабанов куполов, что в Боголюбовском соборе были полы из медных плит, производившие впечатление золотых, что в порталах Успенского собора висели двери «писанные золотом», видимо, подобные знаменитым вратам Суздальского собора. ⁹ Следовательно, в этом отношении храмы Андрея Боголюбского действительно походили на описанный у Амартола храм Соломона. Более того, в тексте Амартола есть архитектурные подробности, не использованные автором Повести об убиении Андрея Боголюбского, но реально существующие в постройках в Боголюбове. Таково наличие белокаменных стен княжеского замка — Боголюбова-города, белокаменная вымостка двора перед дворцом, с тесанными из белого камня желобами — «трубами». Такая же белокаменная вымостка с желобами прикрывала искусственный холм, сооруженный зодчими князя Андрея в основании храма Покрова на Нерли (раскопки 1955 г.). Этот искусственный холм, вызванный инженерными потребностями поднять здание храма выше отметки разлива Нерли и Клязьмы, тем не менее не может не напомнить указания Амартола на сооружение храма Соломона «на горе», как были поставлены и владимирский Успенский и дворцовый Боголюбовский соборы, занявшие эффектные точки береговых высот над Клязьмой.

Все сказанное позволяет думать, что при строительстве Боголюбского князем и зодчими привлекался текст Амартола о храме Соломона, что пышное убранство храмов «золотом», равно как устройство белокаменных мостовых с желобами в замке с белокаменными стенами, было в какой-то мере навеяно этим текстом, что, следовательно, литература включалась в работу мастеров как источник, обогащавший их творческие замыслы. Не исключено также, что текст Амартола был указан мастерам, что у «владимирского самовластца» князя Андрея была горделивая мысль «последовать» мудрому библейскому царю.

Подобное стремление к подражанию образцам прославленного в Библии и хрониках строительства Соломона в Иерусалиме очень понятно в условиях древней Руси, когда архитектурные сооружения наделялись «публицистическим» смыслом и выражали идею преемственности царств, сопоставления новых государственных образований с государствами древности. Так, Москва мыслилась «вторым Иерусалимом», позднее патриарх Никон

⁷ ПСРЛ, I, стлб. 459—460.

⁸ В. Истрин. Хроника Г. Амартола в славянорусском переводе и связанные с нею памятники. ЖМНП, 1917, № 5, стр. 19 и 21.

⁹ Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII веков. М., 1945, стр. 27—28 и 33—39.